

ни разу не заплатив за квартиру, а только улещивая домовладельца ласковыми словами да прошениями, пока тот не подал на него в суд и не потребовал заплатить деньги, грозя в противном случае тюрьмой.

Вот и подумал наш негодный проходимец, что дело хорошо не кончится; поэтому он дал указание своей жене, как вести себя, если хозяин вновь потребует плату. Настал день, когда это должно было случиться, и он с женой были уже начеку; когда они увидели, что приближается кавалер и вместе с ним судейские – а увидели они это издали, так как переулок был длинный, – и к тому времени, как судейские встали у дверей, чтобы должник не ускользнул, он со своей женой выкинул такую штуку: улегся в своей комнате спиной на полу, а жена укрыла его черным платком, на котором был белый крест, и поставила две зажженные свечи, одну у него в головах, другую в ногах, как будто он мертв и уже труп.

Когда домовладелец приблизился к двери и постучал в нее, а судейские притаились, чтобы, согласно приказу, ворваться, как только дверь откроется, схватить должника и препроводить его в тюрьму, то дверь открыла жена должника, и тогда господин так разгневался и так возжаждал поскорее дорваться до виновного, что не стал с ней долго рассусоливать, бросившись вверх по лестнице в сопровождении расторопных судейских. Жена между тем от него не отставала; с превеликими воплями, причитаниями и рыданиями распахнула она дверь в комнату, где супруг ее валялся на полу, а сама громко закричала: «O magnifica munsor, miserecordia!¹⁰ – и поведала кавалеру, будто несчастный помер от черной заразы, или от чумы. Когда господин услышал это (а они ничего так не страшились, как чумы), он от ужаса чуть не свалился с лестницы вместе с судейскими, лишь бы поскорее выбраться из зачумленного дома. Вернувшись восвояси, он взял свой реестр, или долговую книгу, где помечал все квартирные платежи, и в ужасе и в гнев не просто вычеркнул перышком, как имел обыкновение прежде, но, возненавидев самое имя должника, умершего от чумы, вырвал и сжег целый лист из долговой книги со всеми расчетами, касавшимися этого жильца.

А проходимец и его жена не стали мешкать; они сняли другую комнату и поспешили покинуть дом, так что кавалер-домовладелец даже не знал, куда девалась вдова должника: он ведь думал, что муж ее похоронен. Проходимец отсиживался в укромном месте немало времени и, наконец, отважился снова высунуть нос. Однажды он встретил кавалера на площади Святого Марка. Увидев его, он мигом зажмурил правый глаз и продолжал идти своей дорогой. Кавалер остановился, посмотрел ему вслед и сказал себе: «A la fe de diu (то есть, по-нашему, «клянусь Богом истинным»), будь у него два глаза, я был бы готов присягнуть, что мой усопший должник восстал из мертвых». Встречая его неоднократно, кавалер начал наконец досадовать и все более удивлялся тому, как один человек может походить на другого.

Но однажды они снова встретились и почти столкнулись, так что проходимец позабыл зажмурить глаз. Тут кавалер не мог не узнать его, схватил его за шиворот и молвил: «Ах ты, мошенник, ты все еще шляешься, а я-то думал, ты окочурился». Домовладелец поволок должника к себе домой, вытащил долговую книгу и хотел убедиться, сколько денег тот ему должен. Не тут-то было. Он не мог ничего найти в книге и вспомнил про вырванный лист. Тогда кавалер спросил проходимца, как это он все устроил, и, выслушав его рассказ, как ни злился, не мог удержаться от смеха и со смеху простил ему весь долг. Кавалер подумал, что не много возьмешь там, где нет ничего, хотя проходимец после этого опять разбогател, а жил он и взаправду несколько лет тому назад.

24

КАК ОДИН ПОСОБЛЯЛ ДРУГОМУ ЕСТЬ СВОЮ БЕДНОСТЬ

Один добродушный парень отправился на войну в надежде разом разбогатеть, но война продолжалась недолго и, как говорят, истекла; ландскнехтов отпустили и, как это случается сплошь и рядом, отправили домой без особенных денег, и наш добряк был среди них. Так что ему оставалось по дороге домой разве что побираться. Шел он однажды мимо крестьянского дома, а сам хозяин сидел за столом и завтракал со своими чадами и домочадцами. Бывший воин постучался в окно и попросил хоть пфенниг, чтобы было на что честь честью двинуться дальше. Крестьянин сказал: «Поистине, любезный друг, у меня не так много пфеннигов, чтобы раздавать их,

¹⁰ О благородный господин, сжальтесь! (искаж. ит.)